

Выставка „Миръ Искусства“.

Прекрасная жизнь! Ты даришь человѣку вѣчно новыя и безконечныя ощущенія красоты!

Прекрасно искусство, которое культивируетъ эту красоту; но такое искусство не создадутъ рабы и обыватели. Приходятъ крѣпкіе и смѣлые въ своихъ исканіяхъ и заставляютъ вѣрить, что жизнь, съ ней красота формы, краски безконечны. Радуетъ такое искусство, и вѣришь въ могущество человѣка, въ его тонкій подвижной умъ и чувство.

Если съ такой вѣрой входите вы, зритель, на выставку «М. И.», то горько разочаруетесь.

Передъ вами тѣ же, изъ года въ годъ, тусклые холсты, даже не раскрашенныя, а скорѣе случайно покрытые плѣсенью и пылью. Здѣсь вы не встрѣтите настоящаго искусства, которое такъ захватываетъ своей тайной новыхъ формъ и красокъ. На этой выставкѣ нѣтъ жизни а что-то старое, давно извѣстное, нудное.

Тоже самое испытывалъ я, когда попадалъ въ плохую антикварную лавочку; въ ней все есть: старыя запыленные гравюры, олеографіи пейзажей, фарфоръ съ отбитыми краями, вышивки, подточенные молью... И все это лучше и красивѣе чѣмъ выставка «М. И.». Лубки, гравюры, гобелены— все это было когда-то жизнью и творчествомъ живого человѣка, все это онъ переживалъ. Но какая пошлость, когда Бенуа, Сомовъ, Кустодіевъ, Добужинскій, Судейкинъ и др. занимаются поддѣлкой старины. Взгляните на старыя русскіе лубки и гравюры, чтобы убѣдиться, насколько они жизненнѣе младенческаго лепета этой тусклой петербургской плеяды лишенной искренняго чувства искусства и такъ

надоѣвшей своимъ переодѣваніемъ современной жизни въ лохмотья кринолиновъ и потрепанные старые камзолы.

И такъ, если Вы, зритель, ищете здѣсь отраженія жизни, то скука сожметъ ваше сердце, какъ сѣрый, дождливый петербургскій день. Хочется сказать: благополучно, но скучно живете вы на этомъ свѣтѣ, господа художники!

Такое затхлое искусство слѣдуетъ отослать въ лавку старьевщика, гдѣ обыватель, по наивности и къ счастью авторовъ, смѣшаетъ ихъ произведенія съ плохими олеографіями со старыхъ картинъ.

Много обывательской пыли на картинахъ художниковъ «М. И.»; но я буду искрененъ и, счищая ее, попробую добраться до самой живописи и формы,—этой радости для художника, композиціи,—логики живописца. На выставкѣ «М. И.», о краскахъ говорить не приходится: ихъ здѣсь нѣтъ. Особенно безпомощны эти художники, когда они пробуютъ уходить отъ своихъ аллегорій и антикварныхъ поддѣлокъ, затемняющихъ ихъ живопись.

На настоящей выставкѣ есть *intérieur*'ы Бенуа. Какая красочная безпомощность сквозить въ этихъ плохихъ копіяхъ природы! Съ такими работами даже ученикамъ не трудно конкурировать на эскизныхъ выставкахъ. Очевидно, авторъ сихъ произведеній гуляя по Версалю, слишкомъ уже отвыкъ отъ простого, здороваго искусства. Правда, надо отдать ему должное, что онъ, всетаки, хочетъ быть проще и стать ближе къ натурѣ. Искренне желаю ему этого и даже привѣтствую его раскрашенные комнатки.

Еще безпомощнѣе въ этомъ отношеніи Сомовъ. Раньше когда онъ дѣлалъ свои табакерки и медальоны, не было замѣтно, что этому художнику чего то недостаетъ; а теперь, когда онъ выставилъ портретъ Гиршманъ, извѣстной всей Московской вернисажной публикѣ, хочется посовѣтовать автору больше рисовать не на заказъ, а для своего искусства...

Этотъ портретъ, не имѣя никакого портретнаго сходства, не имѣетъ, также какъ и другая Сомова работа, никакой живо-

писной цѣнности; авторъ хорошо дѣлаетъ, что ставитъ свои картины подъ стекло: стекло какъ-то всегда ступшевываетъ недостатки.

Добужинскій все такъ же рисуетъ старыя картинки. И хорошо, что существуетъ «Красный крестъ», который любитъ печатать открытыя письма съ произведеній этого художника. Добужинскій, очевидно, удовлетворенъ этимъ и не мечтаетъ про себя, какъ Бенуа, что онъ на удобренной молодымъ искусствомъ почвѣ создастъ новое возрожденіе. Ужъ не своими ли *intérieur*'ами думаетъ достигнуть этого г. Бенуа?

Очевидно, этотъ ученый мужъ, занявшись исторіей искусствъ, переживаетъ дѣйскій періодъ своего историческаго развитія, періодъ, въ который мечтается о героизмѣ.

Рерихъ не отстаеетъ отъ своего товарища по „красному кресту“ и никакъ не выберется изъ подъ своихъ „камней“, (похожихъ правда больше на булки) дѣлаетъ ихъ все крупнѣе и даже увеличиваетъ ихъ до *plus ultra* на сценѣ художественнаго театра. И жалко этого подвижника, столпника, археологін.

Когда я стою передъ Кустодіевымъ, мнѣ невольно становится стыдно за русскую художественную школу. Въ прошломъ году училищная бюрократія Моск. худож. общества старалась провести этого знаменитаго портретиста въ руководители мастерской училища Ж. В. и Э. Хотѣлось бы знать, чему научилъ бы этотъ профессоръ, который не только плохой живописецъ, но и такой же портретистъ. Въ его портретахъ очевидна вся случайность работы гдѣ портретная композиція уступаетъ мѣсто декадентской позѣ, напоминающей модныя олеографіи Аванцо и Даціаро. Въ остальныхъ своихъ работахъ. Кустодіевъ также охотно занимается перетряхиваніемъ кринолиновъ и фракровъ.

Богаевскій со своими огромными холстами, сдѣланными подъ гобелены, точно готовится открыть фабрику матерій для обивки мебели.

Итакъ, всѣ перечисленные художники являются центромъ выставки. Это ея столпы, и по этимъ подгнившимъ

столпамъ виденъ скучный, нудный путь всей художественной жизни „М. И.“, сильно претендующей быть передовой и свѣжей.

Хочется спросить у всѣхъ этихъ молодящихся старичковъ въ искусствѣ, для чего они покинули теплое гнѣздо общества „Союзъ Русскихъ Художниковъ“, и что новаго и живого сказали они намъ, когда подняли рваное, старое знамя „М. И.“ якобы для борьбы за новую жизнь?

Когда проходишь между холстами этихъ доморощенныхъ новаторовъ, то испытываешь всѣмъ знакомое тоскливое чувство: ѣдешь въ сѣрый дождливый день по неурожайнымъ русскимъ губерніямъ съ полями, покрытыми тощими и пустыми колосьями. Но довольно о „столпахъ“!

Выставка „М. И.“ желаетъ быть выразительницей также и молодого русскаго искусства. Посмотримъ теперь, какіе передъ нами всходы, за которыми такъ усердно ухаживаетъ Бенуа и компанія. Новаторами „М. И.“ являются: Сарьянъ, Павелъ Кузнецовъ, Уткинъ и другіе.

Мнѣ жаль Сарьяна, такъ быстро устроившагося подтѣнюю бесплодной смоковницы „М. И.“ Какъ портится молодой художникъ, торопясь обзавестись собственностью и недвижимымъ имуществомъ въ искусствѣ, которымъ такъ щеголяютъ его чиновные товарищи по выставкѣ. Поэтому Сарьянъ превратился уже самъ въ нѣчто недвижимое и мѣняется лишь въ худшую сторону. Въ своемъ автопортретѣ, боясь разстаться со своей сарьяновской техникой (иногда совершенно не соответствующей содержанию) онъ дико, какъ индѣецъ, занимается татуировкой своего лица. Сарьянъ не понимаетъ, что не раскраска, а красочная плоскость выражаетъ живописныя идеи.

Павелъ Кузнецовъ, говорятъ, будто бы исправился, сталъ реальнѣе, ѣздилъ писать въ степь; но степь не оздоровила и не дала ничего новаго этому художнику, онъ впалъ въ простую иллюстративность. Въ этихъ новыхъ начинаніяхъ ему придется конкурировать лишь съ однимъ Каравачинимъ.

Когда я смотрю на цвѣты Уткина, то мнѣ кажется, что я нахожусь въ плохой квартирѣ, гдѣ плохо замазаны рамы, и гдѣ морозъ и сырость выводятъ узоры на стѣнахъ. Въ картинахъ Уткина не видно никакой воли, а все само собой выходитъ. Но стоитъ ли заниматься такимъ искусствомъ?

Живопись Судейкина врядъ ли нова. Можетъ ли быть что либо новое и жизненное въ творествѣ, если оно такъ обильно занимается плохой реставраціей старыхъ лубковъ и гравюръ? свои поддѣлки Судейкинъ раскрашиваетъ какимъ-то фруктовымъ желе.

Вотъ всѣ дипломированные новаторы „М. И.“ Все здѣсь или пошло-трусливо, или просто фальшь, когда эта изломанная молодежь рядится въ костюмы пастуховъ и пастушекъ, нагло позируя передъ искусствомъ.

На всей выставкѣ единственно пріятно останавливается глазъ на работахъ Тархова. Въ нихъ видно, что художникъ честно идетъ по своей дорогѣ, не боится учиться у культурныхъ мастеровъ запада и старается стать ближе къ натурѣ. Правда, можетъ быть, онъ не удовлетворяетъ желаніямъ той части публики, которая націонализмъ, какой бы онъ ни былъ, предпочитаетъ настоящему культурному искусству. Мнѣ хочется напомнить такимъ любителямъ, что вѣдь наша прошлая литература не боялась культивироваться черезъ Западъ. Искусство никогда не можетъ ужиться въ узко-національныхъ рамкахъ.

Живопись оставаясь по существу національной, должна стремиться къ идеальной формѣ, а эту форму создаетъ вся міровая культура. Чѣмъ разнообразнѣе и культурнѣе языкъ художника, тѣмъ цѣннѣе его произведеніе.

Вотъ этого то цѣннаго въ искусствѣ абсолютно нѣтъ ни у одного художника разсматриваемой здѣсь выставки. И досадно, что на выставкѣ „М. И.“ нѣкоторые, какъ напримѣръ: Петровъ—Волкинъ, прикрываясь фиговымъ листомъ этого общества, боятся сознаться въ своей симпатіи къ классикамъ новаго искусства. Получается отсюда нѣчто

совсѣмъ нелѣпое. Съ одной стороны, этотъ художникъ, поддѣлываясь подъ античныя формы, раскрашиваетъ ихъ красками современнаго плаката, съ другой, въ реальномъ пейзажѣ попросту копируетъ технику Сезана, совершенно не понимая сущности этого западнаго классика. Когда смотришь на эти работы Петрова-Водкина, то представляешь себѣ всю безпомощность его настоящаго положенія: однимъ глазомъ онъ смотритъ на Бенуа, а другимъ коситъ на Сезана. Но довольно объ этой пошлости! Рабы и обыватели не создаютъ красоты въ искусствѣ.

Не новы а просто циничны работы Ларионова и Гончаровой. Эти два новатора, надоѣвшіе своими трюками, все стараются открыть что-то небывалое. Работы этихъ двухъ героевъ по своей наивности напоминаютъ мнѣ армянскіе анекдоты, остроумные по своей глупости.

Итакъ, при всемъ моемъ желаніи отнестись серьезно ко всему этому искусству, да простятъ мнѣ, я не могу. Не смѣшно ли, когда всѣ эти падагрики живописи претендуютъ на роль передовыхъ выразителей русскаго искусства. И не курьезно-ли, что они мечтаютъ даже о декоративномъ искусствѣ стѣнъ. (Смотри статьи А. Бенуа въ Рѣчи). Какъ то-скливо было-бы жить среди такой нездоровой живописи! И хорошо, что это остается только желаніемъ этихъ стѣнописцевъ не имѣющихъ ровно никакихъ живописныхъ данныхъ воплотить свое искусство въ жизнь. Надо радоваться что работы этихъ мечтателей, прогрессируя въ тусклости и безформенности не доходятъ, да и не могутъ дойти до настоящей декоративной живописи.

Привѣтствую художниковъ общества „Бубновый Валетъ“ которые, отказавшись отъ участія на этой выставкѣ идутъ своей дорогой.

Не мѣсто молодой жизни въ гробахъ! И не надо никогда открывать оконъ въ старый склепъ.

А всѣмъ эпигонамъ „М. И.“ хочется сказать что искусство не политиканство, а сама жизнь.

Р.

